

ЧЬЕ ТЫ, ПОБЕРЕЖЬЕ?

СЕВЕР для романтичных людей — магнит. Притягательная сила, противостоит которой выше человеческих возможностей. Он манит всех, кто слышит голос природы, понимает ее. Он красив, север. Не сравнимой ни с чем суровой, лаконичной и загадочной красотой. И только тому, кто его полюбил, знакома боль за «освоенный», «обжитой» нами север. Потому что, убожество жизни на севере уже не тайна. Наша глубинка со всей откровенностью, без грима и декораций, обнажает вид поистине убогий. И страшно это даже не только само по себе — страшно то, что люди свыкаются с условиями своего реального существования, адаптируясь к ним настолько, что утрачивают побуждения на протест, на надежду, на мечты... И трудно сказать, есть ли это проявление человеческой слабости духа — ведь жить-то, как бы там ни было, нужно, значит, нужно приспособиться и к такой жизни. А это уже не слабость духа, это сила...

— Я уже старая, мне сорок лет, — так сказала о себе работница Олюторского РКЗ Елена Анатольевна Голубова...

Конечно, на столь чудовищную оценку можно сделать скидку — речь в разговоре шла о настоящем и будущем завода, рыбацкого поселка, и как любая женщина, Елена Анатольевна в таком разговоре подразумевала будущее детей, считая себя не столько действительно старой, сколько уже просто неперспективной в жизненном плане. И все-таки... Чтобы женщина в принципе вполне благополучная вот так запросто причислила себя к старым — тому должны быть очень веские социальные причины. Выяснить и понять их оказалось совсем не сложно: всего-навсего пройти по заводу, познакомиться с поселком.

ЗИМОЙ Усть-Пахачи выглядят довольно-таки аккуратным поселком. Центральная улица прямо от аэропорта приводит к воротам завода, а вдоль нее — все объекты социального назначения: магазины, почта, столовая, поссовет, гостиница, общежитие. Жилые дома тоже выходят на «магистраль», но в основном состоят из «центра». Снежный покров выровнял топографические погрешности поселка, прикрыл его неухоженность. Весной же Усть-Пахача будет сродни Венеции, как подметил кто-то из местных остроумцев. Нет, сказочных дворцов здесь не появится, да и знаменитые итальянские гондолы не удивят ваш взор, но, как опять же подмечают в народе, — данная разновидность водного транспорта пришлась бы кстати, — потому что даже в резиновой обуви путешествовать в поселке непросто. Но с долгожданым теплом к пахачинцам приходит куда более неприятное, чем грязь и слякоть, явление: в воде из крана позвизгивает солярка. Она будет ощутима на вкус, на запах и видна даже невооруженным глазом: жирную пленку на поверхности воды не заметить просто невозможно. Меры борьбы с этой напастью у населения самые примитивные — доморощенные, а потому, естественные, малоэффективные. Но деваться некуда и поделаться нечего: в месте водозабора, как говорят, неправильно заложены трубы, а почва вокруг них на большую глубину пропитана соляром. И весной, когда начинается таяние снегов, и за счет талых вод в вечной мерзлоте происходит гидрооттайка, в водопроводную систему проникает этот не рассчитанный на внутреннее употребление топливный продукт. Есть выход? Да, конечно. Можно исправить ошибку в подводе к водозабору — но это вылетит в крупную копеечку, которой в наличии у завода не так много. Можно наладить привоз питьевой воды населению — но и эти расходы не по кар-

ману заводу, потому что для этого необходимы специальные машины, да и источник слишком далеко от поселка. И все здесь это знают. Знают и то, что по весне будут возмущаться, жаловаться, требовать. Летом вода станет лучше, зимой вообще нормальная — и тема потеряет остроту. Да и годы мучений у людей отбили настойчивость — какой толк трепать нервы, если ничего все равно не изменить...

Но изменять-то нужно. И проблема эта не должна рассцениваться как неразрешимая. Только, кто возьмет на себя эту миссию? А кто должен, чья это обязанность?

ты будет мыться по себестоимости. Каково?

Впрочем, очень похожая ситуация и в Пахачах. И здесь расходы на содержание бани ужасающие, и нет желающих разделить их. Правда, здесь пока общественный пункт чистоты действует, но администрация РКЗ уже всерьез задумывается: а не мыть ли в ней только «своих»? И клуб здесь не успели закрыть, поселковый Совет взял на себя оплату труда его работников. На большее у поссовета, возможно, и средств-то не хватит.

Но самые сложные проблемы поселка даже не в этом. Самая страшная — разделение

вила такая непосредственность. Пройдя менеджерские курсы, Владимир Мирославович, естественно, рассуждает как полуженщина предприниматель: за что, за какие грехи РКЗ предлагают подвергнуться такому оброку? Ведь несмотря на то, что Олюторский завод входит в тройку прибыльных РКЗ, никто не знает, как будут обстоять дела дальше. Огромный налог на прибыль, отчисления в государственный бюджет по разным статьям поставят предприятие, возможно, уже в этом году на грань нищеты. И даже если в завтрашний день смотреть с неунывающим оптимизмом, все равно понятно: возможности завода в решении

строено по проекту цеха, неудобное саморазогревающее оборудование и требующее реконструкции. Условия работы — и кто будет спорить? — не отвечают самым неприятным требованиям. В цехах отсутствуют вентиляция, технологические линии не заменяют труда; холод в производственных помещениях, перебои с горячей водой; слабое освещение многих рабочих развешиваемых совмещенных с нарами отдыха. Теснота, уютность, конечно же, не способствуют производительности труда. А, в конечном все сказывается на зарплатах рабочих.

— Вы видели, в каких условиях и как мы работаем? Боты не боимся, но что дает наша каторжная работа? Я уже 15 лет здесь, не сезонницей — и вот так по сей день копошусь в рыбе.

Елена Анатольевна Голубова, та самая, которая в сорок лет считает себя старой, говорит не только о своем имени — с ней согласен большинство жителей.

— На что расходуется прибыль завода? Распихивают да угодно: «Тоёты», японские тряпки, весь поселок на держании РКЗ. А, по-моему, все сейчас надо вкладывать в производство. До каких мы будем все делать примитивно?

Что возразить на эти слова? Что спорить с очевидным? И администрация завода понимает. Но администрация знает и другое: нельзя мочь своим рабочим в условиях повального дефицита продовольственного, так и промышленного. Не от хороших жизни везут с материка самый обычный салат из капусты с овощами, который в Корфе, к примеру, стоит не стоит в магазине, а в Пахачи не завозится. Что мешает делать администрации, если окружные и районные власти предпочитают не замечать подобных «мелочей жизни»? А это и не трудно — лана далеко от Пахачей, Тилички не рядом. Никто рыбацком побережье сейчас думать не стремится, кроме тех, кто там живет.

ЧЕЛОВЕК по своей природе очень уживчив. Он может приспособиться к любым, самым суровым условиям, а советский человек — вообще в этом плане не знает себе равного. В самом дальнем и убогом уголке, как бы ни была трудна и безрадостна жизнь, люди находят силы — и одежду по моде, делают красивые прически, бездорожные модельной обувью. Невозможно заглушить жажду полноценной жизни. Но жалкими каплями жажды лишь? Не скроют красивые щипы горечи правды. А при экономических преобразованиях давит все сильнее. Тяжелее. И если завтра он прочь разотрет все перспективы и надежды, даже если уже такие призрачные, будет с тобой, рыбацком побережье? Что будет с твоими людьми?

Елена Федорченко

КОНТРАСТЫ РЫБАЦКОГО БЕРЕГА

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

А ПАРАДОКС в том, что ответить на этот простой вопрос совсем даже не просто. То есть, если исходить из традиционных взглядов на рыбацкое побережье — и сомнений нет: позаботиться о поселке должны рыбоконсервный завод и Камчатрыбпром. Кто, когда и почему вывел этот неписанный закон — неизвестно. Но по сей день он действует на обоих побережьях Камчатки; аналогично обстоит дело и с поселками, где расположены рыболюбческие колхозы, — в их судьбе участие принимает, соответственно, только КМПО. Но является ли такой подход правильным, справедливым? Скажем, отчисления из подоходного налога работников рыбной отрасли идут в бюджет района, на территории которого они живут. Уже только этот факт говорит о том, что данный районный Совет должен принимать участие в социальном развитии рыбацких поселков. Но это не все. В каждом таком поселке есть предприятия и организации сторонние, из другой «системы». Например, в Корфе всего триста человек работают на заводе, большая же часть жителей поселка — авиаторы, геологи, работники рыбокооп и т. д. Но содержать жилой фонд, электростанцию, баню, клуб должен все-таки рыбозавод. Так считается. Но Олег Павлович Колбин, директор завода, не считает возможным соглашаться с этим и дальше: слишком суровые времена наступают, чтобы заниматься благотворительностью. В итоге больше года на замке был заводской, а в сущности, поселковый клуб — и буквально недавно поселковый Совет все-таки решил выделить 50 тысяч рублей на его хозяйственное содержание в дополнение к тем 57 тысячам, которые дал для этих целей завод.

Но на повестке остался вопрос с баней. Закрыв Олег Павлович ее потому, что себестоимость одного билета достигает почти десяти рублей (привозная вода, дорогая электроэнергия и т. д.). Дальше нести такие убытки завод не может. И, если не найдется в поселке добровольцы для долевого участия, придется Колбину для своих работников установить льготную цену, а остальных приверженцы чисто-

на «заводских», «наших» и «не наших». Мы уже узнали ужас межнациональных конфликтов.

А в искусственном разделении однородного интернационального населения по производственной принадлежности кроется вообще вопиющая дикость.

Но сегодня и это — реальность.

Вот не завезли в Пахачи куриные яйца. Не завозят овощные, фруктовые, даже самые простенькие, консервы. Рыбоконсервный завод пытается своими силами поправить дело. Птицеферма, которую построили недалеко от поселка, имеет небольшую мощность. И каждый месяц на каждого работника завода выделяется некоторое количество яиц. Для рыбокооп и сторонних организаций их не хватает. В обмен на рыбу завод на материке закупил витаминные консервы, за свой счет доставил в Пахачи. И опять же — едва-едва хватило на «своих». Да и влетают эти продовольственные хлопоты для РКЗ в копеечку. Вот так и живут рядышком «свои» и «чужие», так и делают горести и радости порознь. Впрочем, не всегда завод может оградить от неудобства даже «своих». Это касается не только воды с соляркой. Весь поселок зимой подмерзает в своих квартирах — и ничего не поделаешь, не хватает сил заводской котельной обогреть поселок. «Спартанское» воспитание не идет на пользу ни взрослым, ни детям: на приеме к врачу попасть — целое дело, слишком уж много простудных заболеваний. И у «своих» и у «чужих».

А что же район? Округ? Не должны ли местные Советы внести вклад в социальное возрождение промышленных поселков, проявить заботу о населении? Оказывается, таких замыслов у депутатов этих уровней нет. Зато есть другие. В конце февраля, например, в Пахачу прибыли эмиссары из Паланы с «деловым» предложением заводу: пять процентов всей продукции передать в распоряжение Корякского автономного округа. Не реализовывать на его территории, нет. А именно передавать. Безвозмездно.

ДАЛЕКО ЗАВЕЗУТ «ТОЁТЫ»...

ЗАМЕСТИТЕЛЯ директора завода по производству В. М. Гембарского неслыханно уди-

социальных вопросов будут крайне ограничены. Да и на помощь Камчатрыбпрома в прежнем объеме рассчитывать не приходится. Вот в Пахаче «замороженный» строительный объект: школа по самому современному проекту сметной стоимостью около четырех миллионов рублей. Когда начинали стройку, Камчатрыбпром имел реальные перспективы на эти затраты. Но всего один год изменил положение настолько, что теперь рыбакам самостоятельно уже не справиться с начатым делом.

В этом небольшом поселке примерно в той же стадии, что и школа, есть еще крупная стройка — новый клуб, опять же возводимый на средства объединения. И его сдача под ключ проблематична.

Поэтому правомерен вопрос: вправе ли район и округ отстраняться от социального благоустройства своих поселков? В любом случае очевидно, что нет. Долевое участие — да. Помощь предприятий в приобретении инвентаря и оборудования — тоже. И кстати, в этом плане Олюторский РКЗ не остается в стороне — например, уже закуплен компьютерный класс для местной школы на собственные средства. Здесь завод не делает различий между «своими» и «чужими»: обучаться основам информатики и программирования будут все школьники.

В ПРИНЦИПЕ, даже с учетом того, что пять процентов всей продукции предприятия — это весьма солидный куш, тот же Олюторский завод, вероятно, мог бы принять предложение округа, но при условии: чтобы все вопросы социальной сферы округ взял на себя. Это было бы и логично, и объективно справедливо. Но округ так вопрос не ставит.

А, между тем, не принимая требований окрисполкома, завод исходит отнюдь не из ведомственных амбиций, а из экономической ситуации жестких рамок перехода к рынку. Ведь предприятие, чтобы существовать, должно развивать производство: совершенствовать технологию, модернизировать оборудование. Все это требует огромных затрат, и эти затраты никто, кроме самого предприятия, нести не будет. Отказаться от этого курса для РКЗ — обречь себя на банкротство. Что такое сегодняшний Олюторский рыбоконсервный завод? Огромная территория, занятая примитивными постройками; новое здание, в котором размещается контора и основные цеха, по-